

В декабре 1887 года перед небольшим кругом читателей лондонского рождественского издания впервые предстали Шерлок Холмс, наверняка самый знаменитый образ детектива, созданный когда-либо вымыслом писателя, и доктор Уотсон — верный сподвижник и летописец дел, мыслей и методов Холмса. Шерлок Холмс увидел свет в том же году, в котором в Париже Альфонсу Бертильону — основателю научной криминалистики удалось преодолеть основные трудности на пути к успеху, и это на первый взгляд может показаться случайностью.

Артур Конан Дойл, двадцатисемилетний врач из Саутси, использовал время напрасного ожидания пациентов для создания различных рассказов и в конце концов придумал своего героя — Шерлока Холмса. Не зная ничего о Бертильоне, Дойл не мог похвастаться и своими связями со Скотланд-Ярдом. И Шерлок Холмс не был сотрудником Скотланд-Ярда. По воле своего создателя он был частным „сыщиком“, открыто подчеркивавшим свое неуважение к криминалистам из полиции. И все-таки вклад Бертильона в развитие криминалистики и литературная карьера Шерлока Холмса имеют одну и ту же причину.

В те времена утвердилась вера в разрешимость всех проблем жизни с помощью точного мышления, точных научных выводов и естественнонаучных познаний. Эту веру Бертильон впитал в себя в доме родителей, который часто посещали ученые-естествоиспытатели, т. е. задолго до того, как в 1889 году он занял пост писаря полицейской префектуры Парижа и внес в том же году свои первые предложения по усовершенствованию идентификации уголовных преступников с помощью антропометрических измерений. Такой же верой в науку проникся Артур Конан Дойл, изучая в Эдинбурге с 1876 года медицину. Подобно Бертильо-

ну, ставшему инициатором антропометрической идентификации, герой Артура Конан Дойла сыграл роль литературного глашатая совсем нового раздела криминалистики, который, как и система Бертильона, дактилоскопия, судебная медицина, токсикология, баллистика и серология, оказался одним из основных и бесценных для всей криминалистической работы. Шерлок Холмс стал предвестником криминалистической науки о следах, обосновавшейся вне рамок перечисленных специальных разделов и получившей гораздо большее распространение. В нее вошли такие понятия, как криминалистическая химия, биология, физика и техника. Она означала исследование следов с помощью всех химических, биологических, физических и технических средств, которые были порождены развитием естественных наук и техники на рубеже столетий.

Образ Шерлока Холмса зародился в фантазии Конан Дойла между 1882 и 1886 годами. Он складывался среди прочих многочисленных образов в романах и приключенческих рассказах, время от времени приносивших их автору несколько фунтов стерлингов. Вдохновителем рассказов Конан Дойла, несомненно, был американский писатель Эдгар По, в 1841–1845 годах создавший первые образцы жанра детективной литературы. Его мастерски написанные рассказы „Убийство на улице Морг“, „Тайна Мари Роже“, „Украденное письмо“ и их герой, детектив Дюпен, безусловно, были порождены глубокой верой в возможность точного мышления дать объяснение всему. Так, лишь благодаря наблюдательности и умозаключениям Дюпен установил таинственного виновника двойного убийства на улице Морг — человекообразную обезьяну.

Несколько иначе обстояло дело с другим героем детективной литературы, который также может считаться крестным отцом Шерлока Холмса, — Лекоком, творением французского писателя Эмиля Габорио, умершего в 1873 году в тридцатисемилетнем возрасте от нервного и физического

переутомления. За 1867–1869 годы увидели свет четыре романа Габорио, в которых речь шла о раскрытии преступлений: „Досье“, „Преступление в Орсивале“, „Лекок“ и „Рабы Парижа“. Лекок тоже полагался на логическое мышление, но уже использовал на практике осмотр и изучение места преступления, что давало материал для его смелых дедуктивных умозаключений. В романе „Лекок“ герой, появляясь на месте убийства в трущобе, расположенной в районе парижских крепостных укреплений, приказывает сопровождающим не двигаться с места, чтобы не затоптать следы, прощупывает и простукивает все, ложится на землю, исследует отпечатки ног и, наконец, заканчивает свою работу словами: „Теперь мне все ясно. Это покрытое снегом пространство является как бы необъятным белым листом бумаги, на котором преступники обозначили не только все свои дела и поступки, но и тайные помыслы, надежды и страхи. Вам следы ничего не говорят. Для меня же они живые. свидетели... ”

Лекок был первым литературным детективом, который измерял отпечатки ног и обуви и снимал с них гипсовые слепки. Более того, его „репертуар“ при изучении следов включал в себя сбор пыли, волокон текстиля, прилипших комочков почвы и частиц растений в качестве улики преступлений. Он поучал: „То, что у преступника был с собой зонт, я узнаю по этому комочку почвы. Вы видите на нем отпечаток конца зонта, где можно различить рисунок ткани... Цвет и материал его плаща я устанавливаю по маленьким пушинкам коричневой шерсти, прилипшим к древесным стружкам“. Лекок еще не был специалистом, проводящим исследования в лаборатории. Но он объединил работу мысли с изучением следов с места происшествия.

Лекок, как и Дюпен, стал прямым предшественником Шерлока Холмса. Что Артур Конан Дойл добавил к уже созданным образам и что отличало Шерлока Холмса, так это черты совершенно конкретного человека, о котором

вспоминал писатель, сидя в своей скромно обставленной комнате, покуривая и раздумывая. Речь идет о его учителе по хирургии, докторе Джозефе Белле, главном хирурге королевской лечебницы в Эдинбурге. Этому худощавому, жилистому человеку с угловатыми плечами и остро выточенным лицом Конан Дойл ассистировал, принимая пришедших на прием пациентов, предварительно осматривая их и сопровождая в кабинет Белла. Белл был своеобразным и ошеломляющим мастером диагностики. Он часто определял характер болезней своих пациентов, прежде чем те успевали открыть рот. Диалог Белла с одним солдатом в гражданском платье, данные которого Беллу были неизвестны, так описывается в воспоминаниях Конан Дойла: „Ну, мил человек, вы служили в армии? ” — „Да, сэр”. — „Унтер-офицер? ” — „Да, сэр”. — „И вы были в Барбадосе, в Вест-Индии? ” — „Да, сэр”. Затем Белл обратился к своим студентам и стал объяснять: „Вы видите — мужчина очень вежлив, но он не снял своей шляпы. Это характерно для армии. Если бы он давно уволился из армии, то приобрел бы уже привычки, свойственные гражданским лицам. Отеки на его теле свидетельствуют о том, что он страдает слоновой болезнью. Эта болезнь характерна для Вест-Индии”. В воспоминаниях Дойла о студенческих годах описана подобная картина, которую он наблюдал при обследовании Беллом одного пациента: „Господа, — говорил Белл своим ученикам, — перед нами рыбак! Это можно сразу заметить, если учесть, что даже в столь жаркий день наш пациент носит высокие сапоги... Загар на его лице говорит о том, что это сухопутный, прибрежный моряк, а не моряк дальнего плавания, открывающий новые земли. Загар этот явно возник в одном климате, местный загар, так сказать... За щекой у него жевательный табак, и он управляет с ним весьма уверенно. Свод всех этих умозаключений позволяет считать, что этот человек — рыбак. Об этом свидетельствуют и рыбы чешуйки. Наконец, специфический за-

пах позволяет судить о его занятии с особенной определенностью".

Так из синтеза образов Дюпена, Лекока, Белла и веры Дойла в гуманитарные, точные и естественные науки возник образ Шерлока Холмса. Пальцы Холмса были постоянно в пятнах от ожогов кислотой. Это говорило о том, что Шерлок Холмс был химиком и натуралистом, определявшим характер найденных им следов преступления не только остротой своего интеллекта и с помощью увеличительного стекла, но и средствами химического анализа. Читатели, встретившиеся впервые в 1887 году с Шерлоком Холмсом и доктором Уотсоном в повести Конан Дойла „Этюд в багровых тонах“, наверняка не поняли, что имеют дело с литературным предвестником естественнонаучного криминалистического подхода к изучению следов, хотя автор в первых же своих историях, как нигде более подробно, описал своего героя. „Этюд в багровых тонах“ был безвкусно написанной историей об убийстве одного мормона. Едва ли это произведение достойно того, чтобы войти в историю литературы. Но для истории криминалистики оно имеет определенное значение благодаря появлению Шерлока Холмса. Не случайно в романе Конан Дойла первая встреча доктора Уотсона и Шерлока Холмса произошла в 1880 году в лаборатории лондонской больницы. Доктор Уотсон, тяжело больной врач, вернувшийся с афганского фронта в Лондон, из соображений

экономии искал человека, которому он мог бы сдать половину своей квартиры. Бывший сослуживец по лондонской больнице Стэмфорд познакомил его с Шерлоком Холмсом, который подыскивал для себя недорогое жилье. Приятель Уотсона считал своим долгом заранее рассказать врачу о странностях Шерлока Холмса. Он объяснил, что Холмс — безупречный, но несколько странный человек, который, например, бьет трупы палками, чтобы установить, какие следы оставляют подобные удары. Будучи таким об-

разом подготовленным, Уотсон вместе со Стэмфордом пришел в лабораторию., Перед нами было большое помещение, — так Уотсон описывает первую встречу с Холмсом, — заставленное склянками. На широких низких столах теснились штативы, реторты с реагентами и мерцающие голубым пламенем горелки Бунзена. В глубине помещения мы увидели склонившуюся над столом фигуру молодого человека, поглощенного каким-то экспериментом. „Алло“, — воскликнул человек, услышавший, должно быть, наши шаги Нашел! Нашел! — радостно восклицал он, спеша нам навстречу с ретортой в руке. — Я обнаружил реактив, единственный, который осаждается гемоглобином и ничем другим“. Обнаружение золотой древнегреческой монеты не могло бы вызвать большего восторга на его лице. „Доктор Уотсон — мистер Шерлок Холмс“, — представил нас друг другу Стэмфорд. „Здравствуйте! — сказал экспериментатор и пожал мне руку так крепко, что я обезумел от сильной боли. — Я вижу вы из Афганистана“, — добавил он. „Как вы догадались? “ — спросил я удивленно. „Ну, это пустяки, — сказал он, усмехнувшись, — сейчас самое главное — гемоглобин. Надеюсь, вы понимаете, как важно то, что я обнаружил... “

„Как химическая реакция — это, безусловно, интересно, — ответил я, — в практике же... “

„Милый мой, — перебил он меня, — как раз для практики это — величайшее открытие за много лет. Вам не пришло в голову, что благодаря ему можно будет успешнее доказывать наличие кровяных пятен... Сколько уголовных дел связано с определением этого момента. Человека обвиняют в преступлении, может быть, лишь через несколько месяцев после его совершения. При обследовании одежды и белья человека обнаруживают коричневые пятна. Что это за пятна? Грязь, ржавчина, фрукты или кровь? А теперь... теперь у нас есть метод Шерлока Холмса и все трудности устранены“.

Так Конан Дойл впервые представил своего героя миру. Холмса в то время интересовала проблема, связанная со следами крови. Но это был первый и последний случай, когда Холмс выступал в роли химика, исследовавшего только следы крови. Его научные исследования выходили далеко за рамки этой проблемы. Доктор Уотсон убедился в этом сразу, как только его необычный сосед поселился в квартире на Бейкер-стрит, 221-б. Холмс заявил ему: „Моя деятельность несколько своеобразна. Видите ли, в Лондоне имеется множество детективов, государственных и частных. Но когда один из этих господ заходит в тупик, тогда он обращается ко мне. И я в большинстве случаев помогаю ему напасть на правильный след... Еще не было ни одного человека, который бы, как я, объединил в себе врожденный талант, эту интуицию в отношении всего подозрительного с добросовестными занятиями в области криминалистики“.

С возрастающим интересом изучал Уотсон своего товарища и записывал свои наблюдения о его научных познаниях. Он считал знания Холмса в химии „всеобъемлющими“. Почти так же оценивал его познания в геологии: „С первого взгляда он различает различные виды почв и минералов. После прогулок показывает мне свои забрызганные брюки и по цвету и консистенции брызг определяет, из какой они части Лондона“. Вскоре Уотсон убедился в странном способе Холмса определять пройденный путь по следам почвы на обуви и брюках. Однажды, когда Уотсон вернулся с почтамта, Холмс заявил ему: „Мои наблюдения свидетельствуют о том, что вы... были на почтамте на Уигмор-стрит... К подошве ваших ботинок прилипло немного красной почвы. Как раз у почтамта на Уигмор-стрит разрыта мостовая и выкопана земля. В земле имеются вкрапления красноватой глины, какой, насколько мне известно, не встретишь нигде в округе“.

Затем Уотсон лично стал свидетелем практической работы Холмса. В давно покинутом доме Холмс, которого пригласили беспомощные детективы Скотланд-Ярда, увидел труп американца Дреббера из Кливленда. На стене кровью было написано немецкое слово „месть“. С восторгом Уотсон сообщает о том, что делал Холмс: „Он вынул из кармана рулетку и большую круглую лупу и бесшумно заходил по комнате, то и дело останавливаясь или опускаясь на колени; один раз он даже лег на пол... В одном месте он осторожно собрал с пола щепотку серой пыли и положил ее в конверт“.

Окончив свое обследование, Холмс заявил: „Убийцей был мужчина. Рост у него чуть больше шести футов, он в расцвете лет. По сравнению с ростом у него небольшие ноги. На нем были тяжелые, широкие ботинки с квадратными носами, и он курил сигару „Тричинополи“. Он приехал сюда со своей жертвой в четырехколесном экипаже, запряженном лошадью, у которой на правом переднем копыте была новая подкова. По всей вероятности у убийцы красное лицо и очень длинные ногти на правой руке“. Объясняя свои выводы, он добавил: „Когда я приехал, то прежде всего заметил следы кэба у самой обочины дороги. Очевидны были также следы подков лошади. Это была не частная карета, а извозчик... Обычно у лондонских извозчиков колея значительно уже, чем у частных карет... В девяти случаях из десяти по длине шага человека удается определить его рост. Следы шагов убийцы на улице еще лучше видны на глине, чем на пыльном полу комнаты. Их легко было измерить. К тому же мне представился лишний случай проверить свои расчеты. Когда человек пишет на стене, он инстинктивно пишет на уровне своих глаз... Обмакнув в кровь пальцем он написал слово „месть“ на стене. С помощью увеличительного стекла я установил, что стена слегка поцарапана, чего не случилось бы, конечно, если ногти были бы коротко подстрижены... Затем я собрал с пола не-

много просыпанного пепла. Он был темным и слоистым — такой пепел остается только от сигары „Тричинополи“. Ведь я специально изучал пепел от разных сортов табака; если хотите знать, я написал об этом целое исследование. Могу похвастаться, что с первого же взгляда определяю вам по пеплу сорт сигары или табака“. Когда Шерлок Холмс замолчал, доктор Уотсон воскликнул: „Вы сделали великое дело: благодаря вам раскрытие преступлений находится на грани точной науки“.

Фантазия Конан Дойла перешагнула рамки реального, и он нарисовал образ криминалиста-ученого, умеющего техническим, химическим и биологическим способами обрабатывать не только следы крови, но и все прочие следы, обнаруженные на месте преступления, и делать соответствующие выводы относительно преступника и процесса преступления. Насколько широк был диапазон исследуемых следов, стало ясно, когда появились следующие истории о Шерлоке Холмсе: в 1890 году — повесть „Знак четырех“ и в 1891–1892 годах — „Приключения Шерлока Холмса“. Доктор Уотсон, верный летописец, продолжал свое повествование о мастере-детективе.

То., ЧТО ХОЛМС исследовал следы ног и различных транспортных средств, давно перестало быть чем-то особенным. Но появились и новые моменты: например, волосы, обнаруженные на месте одного преступления. По обнаруженной шляпе предполагаемого преступника Холмс установил: хозяину шляпы около сорока лет, он сед, его волосы были недавно подстрижены. Холмс объяснил Уотсону, что почерпнул эти сведения благодаря тщательному исследованию подкладки шляпы. Через увеличительное стекло были отчетливо видны многие кончики волос, остриженные ножницами. От внимания Холмса не ускользали ни обрывки бумаги, ни обрезки ткани. Он объяснял: „Это — бумага индийского производства. На некоторое время она была прикреплена к доске... “ Он интересовался